ны, опираясь на добровольное сотрудничество других индивидов, обладающих тем же достоинством.

В целом либертарианство пронизано иногда доходящей до фанатизма верой в историческую миссию всего частного, индивидуального, спонтанного, несущего в конечном счёте благо для человечества. Трудно назвать плодотворной либертарианскую идею полного демонтажа социальной функции государства, хотя осуществление этой функции и требует некоторой корректировки. До этого пока не доходят даже те государственные деятели на Западе, которые, придя к власти, реализуют на практике некоторые экономические рекомендации либертарианства. Представляется, что прав Г.В. Мальцев, писавший о том, что «если допустить, что либертарианские призывы покончить со всесилием государства, упразднить его экономические и социальные функции возымели действие, то легко себе представить, что место исчезающего или упразднённого государства тут же займёт какая-то крупная частная организация или организации, действующие как государство, но абсолютно безответственные перед обществом» [7, с. 496].

Литература

1. *Боуз Д*. Либертарианство. Челябинск, 2009.
2. *Хайек Ф*. Дорога к рабству. М., 2012.
3. *Хайек Ф*. Капитализм и историки. Челябинск. 2012.
4. *Нозик Р*. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
5. *Смит А*. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
6. *Дубсон Б.И*. Кибуцы. М., 2008.
7. *Мальцев Г.В*. Социальные основания права. М., 2007.

УДК 340.15

Небратенко Г. Г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Институт наследования выступает составной частью обычного права в традиционном обществе. Обычное право донских казаков не является исключением. В то же время у казаков существовала специфика в организации наследственных отношений. Это обстоятельство доказывает существование социокультурных особенностей наследования, основанного на традициях и обычаях. Специфика института наследования у донских казаков определялась их особым правовым положением.

Inheritance Institute acts as a part of customary law in the traditional society. The customary law of don Cossacks is no exception. At the same time, the Cossacks existed specifics in the organization of hereditary relations. This fact proves the existence of socio-cultural peculiarities of inheritance based on the traditions and customs. The specifics of the Institute of inheritance at the don Cossacks were determined by special legal regulations.

Ключевые слова: *наследование, наследственное право, обычное право, обычай, донские казаки, традиционное общество.*

Key words: *Inheritance, inheritance law, customary law, custom, Cossacks of the don, traditional society.*

Принятие наследства в традиционном обществе донских казаков представляло собой одностороннюю сделку, реализуемую по духовному завещанию, обязательному для исполнения, а также на основе обычаев. Но даже духовное завещание как институт обеспечения воли наследодателя на Дону можно рассматривать, скорее, как обычай, чем норму церковного права, т.к. последнее в условиях «религиозной автономии» края [1, с. 158 – 167] стало приобретать осязаемые формы лишь в XVIII в. вме-

сте с постепенным распространением «церковного брака» и началом регистрации под сводами храмов «актов гражданского состояния».

Носителями содержания духовного завещания и гарантами его выполнения обычно выступали два-три свидетеля (посредника) из числа уважаемых казаков, которых на объявление своего волеизъявление приглашал наследодатель (часто – родня, свояки, соседи, односумы). Субъектами получения наследства являлись индивиды, состоявшие в родственных или свойственных с ним отношениях, реже – не состоявшие (например, односумы). Родственники, не оговоренные в духовном завещании, лишались права на имущество. Таковыми, например, являлись дети, «проклятые» и не прощенные родителями в результате вступления в брак без благословения. Холостые или бездетные казаки часто объявляли о передаче своей собственности церковным приходам или монастырям, где они досматривались в больном и немощном состоянии, и в этой связи институт наследование следует рассматривать еще и в качестве гаранта «общественного призрения». Таким образом, объявление духовного завещания осуществлялось наследодателем еще при жизни и не всегда на «смертном одре», и фактически он имел возможность внести в него изменения. Однако такие действия без возникновения новых существенных условий (например, скоропостижной смерти наследника) считались нежелательными, могущими привести после смерти собственника к возникновению тяжб, которые в общественном сознании казачества не поощрялись, т.к. «мешали упокоится душе усопшего». Объявление духовного завещания имело сакральный характер, подтверждаемый самим названием данного акта, но в случае возникновения спора о наследстве оно рассматривалось станичными стариками.

Если объявленный наследник не имел возможности немедленно вступить в наследство (проживал за пределами станицы или казачьего хутора), то наследодатель публично определял «душеприказчика», временно распоряжавшегося имуществом. Хотя обязанности последнего были более обширными, связанными с выполнением всех обязательств. Так, исполняя волю усопшего душеприказчик, например, мог продать имущество, а деньги употребить на выполнение заранее оговоренных задач. Также это делалось при наличии у умершего долгов, погашение которых всегда было первоочередным делом. Оставшиеся излишки (остатки) направлялись на выполнение воли умершего или передавались наследникам. Если же после продажи имущества оставались недоимки, то их взыскивали с вдов (вдовцов), видимо, в случае их отсутствия – других домочадцев, ранее ведших совместное хозяйство. Хотя жена (иные члены семьи) могла отказаться от выплат по долгам мужа (отца или проч.), если они были сделаны не на семейные нужды, а для сугубо личных целей.

При отсутствии духовного завещания в случае, например, скоропостижной смерти наследование у донских казаков осуществлялось по обычному праву, защищавшему в первую очередь интересы близких родственников (при их отсутствии – дальних), а если смерь настигала в военном походе – односумов, ведших совместное хозяйство и претендовавших на артельное имущество и дуван – военную добычу. Впрочем, обычай односумства был широко распространен не только в походном войске, но и до XVIII в. на Дону, встречаясь и в данном столетии в отдаленных станицах [2, с. 20]. В этом случае в наследовании участвовали односумы, когда имущество умершего шло на погашение его долгов и поступало в артельный капитал. Родственные связи обычно не учитывались, имея значение только при наследовании собственности семейных казаков.

Для уяснения содержания наследования последних необходимо немного углубиться в семейные отношения, формировавшиеся в традиционном обществе донских казаков, которые в XVIII в. преимущественно закладывали патриархальный уклад в несколько поколений родственников. Так, естественными претендентами на наследство женатого мужчины являлись его супруга, сыновья и незамужние дочери (на приданое), которые коллективно участвовали в накоплении общесемейного имущества, но традиционно его распорядителем выступал сам отец. Во избежание конфликтов между домочадцами некоторые главы семейств с наступлением старости заблаговременно распределяли собственность между детьми, единовременно или поочередно направляя их «на вольные хлеба». «Бывает так, что отец отделяет сначала одного сына, потом через два, три или более лет отделяет другого, но большею частью он делит их разом, при этом берет на свою часть из имения очень немного» [3, с. 169]. Для досмотра за престарелым отцом и матерью с ними оставался младший сын, к которому после

смерти безраздельно переходила родительская доля – «отчий дом» с оставшимся хозяйством.

Впрочем, по воле наследодателя общесемейное имущество вообще могло не перераспределяться, особенно, если оно составляло самодостаточный сельскохозяйственный комплекс, в котором продуктивно трудились все члены семьи. Нередко после смерти главы патриархальной семьи его место занимал старший совершеннолетний сын, распоряжавшийся общесемейной собственностью и несший ответственность по обязательствам отца, о своих действиях ставя в известность остальных членов семьи. Особым статусом в этом случае обладала вдова умершего. При взрослых детях она могла взять свою долю, оставшись вместе с младшим сыном и незамужними дочерями (в этом случае создавались условия для общего раздела семейной собственности) или же принимала решение хозяйственно не выделяться, укрепляя патриархальное единство. В последнем случае раздел общесемейного имущества обычно происходил после ее смерти. Сыновья и незамужние дочери получали личную долю наследуемой собственности, при этом небольшая часть имущества продавалась, а на полученные деньги организовывались поминки. Замужним дочерям ничего не полагалось. Также «обездоливались» единоутробные братья (сестры), рожденные в предыдущем браке (матерью). Они являлись наследниками лишь материнской собственности. Дети же казака от всех браков всегда оставались равноправными наследниками.

Отдельно следует остановиться на обеспечении имущественных прав малолетних и несовершеннолетних братьев и сестер, оберегавшихся органами местного самоуправления. Для этого представители станичных, хуторских и поселковых правлений присутствовали при разделе наследства. В XIX – начале XX вв. делались подробные описи «отроческого имущества». Защита интересов детства и юношества обосновывалась необходимостью содержания и воспитания подрастающего поколения, подготовкой к воинской службе или приданого для вступления в брак. Управление этой собственностью осуществлялось «блюстителем» из числа совершеннолетних братьев, сестер, других родственников или прочих лиц, бравших несовершеннолетних в свой дом до наступления их полной дееспособности. Однако на Дону гораздо чаще встречались молодые вдовы с несовершеннолетними детьми, т.к. казаки участвовали во всех войнах Российской империи, погибая за Отечество.

«Молодая вдова с малыми детьми и (или) отроками» являлась единственной наследницей имущества, оставшегося после смерти казака, получая единоличную власть над домочадцами. На содержание вдов, оставшихся с несовершеннолетними детьми возрастом до трех лет, выделялся земельный «вдовий пай», им запрещалось наниматься на работу, переходить «в зажив» к богатым казакам или «иногородним». При наличии мальчика возрастом более трех лет вдове полагалось два земельных пая, один из которых «сиротский», а при наличии десятилетнего сына она могла обратиться через выборных стариков в станичное правление с просьбой о признании его главой семейства, что влекло за собой еще и получение положенного ее станичнику дополнительного довольствия (рыбные или лесные паи, или получаемые с их аренды деньги). Духовное же покровительство над юношами осуществлял крестный отец или совершеннолетний родственник-мужчина. Он публично представлял интересы «овдовевшей семьи». Обычай «эмансипации» имел свое наименование – «взятие под шинель», т.к. сопровождался ритуальной процедурою: «недоросль» вставал на стул, на его плечи набрасывалась отцовская шинель, местный атаман объявлял его главой семьи, приглашенные по такому случаю старики и казаки могли высказать свои пожелания, а крестными преподносились подарки.

В случае выхода вдов повторно замуж «сиротский пай» и иное довольствие попадало в «срочное управление» отчима, становившегося «блюстителем», который чаще всего сдавал его в аренду, а получаемые средства мог отдать «в рост» частным лицам, станичному правлению или внести в банк, к примеру, в Ростове-на-Дону (в XIX – начале XX вв.). Получаемые средства являлись залогом подготовки «выростка» к воинской службе (закупки строевого коня, снаряжения, оружия, форменной одежды и т.д.). Движимое имущество обычно продавалось, а деньги принимались по описи, засвидетельствованной в станичном правлении в присутствии самих же детей и свидетелей. Некоторые вещи по описи оставались на хранении у отчима (например, одежда). Причем бремя заботы о сиротском имуществе не предусматривало вознаграждения, но могло учитываться станичным правлением как «внутренняя служба». С наступлением совершеннолетия данное

имущество полностью переходило к его собственнику.

Между тем не все отчимы чистоплотно вели управление сиротской собственностью, и в случае выявления его нецелевого использования местное казачье общество лишало их статуса «блюстителя», передавая данную функцию на один год другому казаку, а затем назначало нового, и так до совершеннолетия сироты. Делало оно это не только из нравственных побуждений, а еще и потому что нищие донцы снаряжались на военную службу за счет местного казачества. Бедным сиротам помогали всем миром (общиной), давая пособие (паи) тем, кто их «принял в детища» или брал на «воскормничество». Станичный, хуторской или поселковый атаман был обязан знать сколько сирот в его ведомстве, кем и как за ними осуществляется присмотр, а «круглые сироты» вообще именовались «атаманскими детьми». Старики смотрели, чтобы их не обижали, а крестные следили за нравственным и физическим здоровьем. Особо одаренных рекомендовали на учебу за счет войсковых ассигнований [4].

Следует также отметить, что опекунство могло осуществляться и без вступления женщины в брак, когда она не была в состоянии обеспечивать несовершеннолетних детей средствами к существованию (особенно по многодетности). Также имели место случаи, когда глава семейства был жив, находился на воинской службе, а его жена не справлялась с хозяйством и терпела нужду по бедности или разорению (пожар, падеж скота и т.п.). Тогда станичники в помощь женщине назначили казака, находившегося на «внутренней службе» или призываемого к ее несению специально для этой цели. Такой опекун в течение года управлял имуществом нуждающейся семьи, а по прошествии этого периода назначался новый казак, что продолжалось до момента демобилизации хозяина со службы [5, с. 253 – 255].

Возвращаясь к проблематике непосредственно наследования, следует отметить, что обычным правом донских казаков частично оберегались имущественные права молодых вдов, не живших в браке собственных детей. Им полагалась половина земельного пая, как и не вышедшей замуж девушке, в т.ч. возрастной «девахе». Однако наследником семейного имущества по обычаю являлись отец, мать или братья покойного, исключая личную собственность бездетной вдовы. Впрочем, бездетная вдова могла претендовать на «вознаграждение», величина которого зависела от длительности периода совместного прожитого с усопшим. Объем этой суммы определялся в казуальном порядке и колебался от 1/4 части совместно нажитого имущества до полного отказа в вознаграждении. Вдова даже могла остаться жить в доме покойного мужа, но только до момента вступления в другой брак (если это происходило) [6, с. 200 – 201]. Тогда все ее личное имущество становилось «приданым». Бездетные вдовцы также имели право на часть имущества умерших жен (из приданного), основная часть которого поступала родителям умершей женщины, но общесемейная собственность всегда доставалась вдовцу. Если же были дети, то все приданое оставалось в семье.

В завершении изучения института наследования в традиционном обществе казаков следует отметить, что на его становление и развитие повлияли главным образом донские обычаи, в т.ч. сформировавшиеся на основе юридических прецедентов и вербальных договоров казачества, и в более поздний период (начиная с XVIII в.) церковное право и законодательство Российской империи, касавшееся непосредственно вопросов данного сословия. В условиях относительно невысокого по современным меркам уровня грамотности населения в аграрной местности закон в случае его восприятия принимал форму обычая, который наряду с каноном являлся основой становления «юридического мышления» и обеспечения правового порядка в традиционном обществе. Обычаи, возникшие на основе нормативного правового акта, со временем обретали свою специфику, дополнявшую «букву закона» обыденными представлениями о праве и справедливости – «народным духом».

Литература

1. *Небратенко Г.Г., Куксенко Е.А*. Теория и история обычного права донских казаков. Ростов-на-Дону, 2005.

2. *Небратенко Г.Г.* Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI – начало XX вв.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 3.

3. *Тимощенков И.В*. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.

4. Казачий словарь-справочник / Сост *Г.В. Губарев.* Сан-Ансельмо, 1968. Т.II. С.42; Астапенко Г.Д. Быт, обы-

чаи, обряды и праздники донских казаков XVII – XX вв. Батайск, 2002. С. 34 – 36, 49 – 50.

5. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права / Сост. *М. Харузин*. М., 1885.

6. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права / Сост. *М. Харузин*. М., 1885.

УДК 340.15:947

Дзамихов К.Ф.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: «ЧЕРКЕССКИЙ ВЗГЛЯД»

В статье раскрывается содержание основных историографических традиций, анализируются проблемы разработки обобщающих интерпретаций истории с опорой на внутриконцептуальные противоречия, присущие охранительно-монархический и либерально-демократической традициям. Подчеркиваются недостатки репрезентации «Кавказской войны» с позиции одного из исторических субъектов — России, с одной стороны, народов и обществ Северного Кавказа – с другой.

The article describes the content of the main historiographical traditions. It analyses the problems of formation of the general historical interpretation based on interconceptual contradictions, characteristic of protective-monarchical and liberal-democratic traditions. The weak points of the representation of «The Caucasian War» from the position of its historical participant – Russia, on the one hand and the native people and societies of the North Caucasus on the other hand are pinpointed.

Ключевые слова: *исторические традиции, охранительно-монархическая, либерально-демократическая традиции, методологический консерватизм, концептуальный застой, горская культура, Кавказская война.*

Key words: *historical traditions, protective – monarchical, liberal – democratic traditions, methodological conservatism, conceptual stagnation, mountain culture, Caucasian war.*

1. Историографические традиции: итоги и перспективы

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании. Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения рассматриваемых в настоящей статье задач [1]. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесплодными.

Начиная с периода завоевания горских народов царской Россией формируются и устойчиво держатся разные историографические традиции – охранительно-монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «истребление», «владычество», «вытеснение» и т.д., в отношении которых считались оправданными воен-